

Злопамятный

Когда Сяо Жун вернулся в свои покои, Гао Сюньчжи и Юй Шаосе всё ещё ждали его.

— У вас двоих разве нет дел? — не удержался от вопроса юноша.

— Мы уже со всем управились утром, — в один голос ответили они.

Сяо Жун замер.

«Ах да, утро-то я проспал»

Ощувив укол совести, он с подчёркнутым спокойствием сел и принялся перебирать пальцами ягоды восковницы на блюде.

В мае уже появились первые сезонные фрукты, и улицы наполнились криками торговцев. Однако промышленного садоводства ещё не существовало. По большей части плоды выращивали в поместьях знатных кланов для собственного потребления. Горожане же довольствовались тем, что крестьяне с раннего утра собирали в горах — свежим урожаем с лёгкой сладостью во вкусе.

Конечно, «лёгкая сладость» — это весьма деликатное определение. Для Сяо Жуна, привыкшего к приторным, выращенным в теплицах продуктам, всё в этой эпохе казалось почти безвкусным.

Но лучше хоть что-то, чем ничего. Прежде, в округе Яньмэнь, он и мечтать не мог о подобном лакомстве. Нынешний стол можно было считать по-настоящему роскошным.

Ягоды были либо невыносимо кислыми, либо пресными. Сладкие, конечно, встречались, но крайне редко, и найти их было чистой удачей. Сейчас главной ценностью было зерно, оно, словно чья-то могучая рука, сжимало горло каждого. Даже если бы Сяо Жун захотел развивать садоводство, время для этого было неподходящим.

Жест юноши был несколько невежлив — как мог учёный муж так играть с едой? Но Гао Сюньчжи прожил слишком долгую жизнь, чтобы обращать внимание на подобные мелочи. Юй Шаосе, хоть и невольно бросил взгляд на его руки, тут же мысленно нашёл оправдание. Вспомнив, какой это выдающийся человек, он решил: все великие таланты отличаются от обычных людей, и судить их по общим меркам нельзя.

Канцлер спросил, как всё прошло, и что говорил Хуан Яньцзюн во время встречи. Сяо Жун кратко пересказал беседу, после чего заметил, что взгляд Гао Сюньчжи стал отсутствующим.

«Что-то не так?»

Юноша удивился. Он ожидал, что собеседник будет озадачен, но никак не такой реакции.

На душе у Юй Шаосе тоже было беспокойно, он ещё не до конца разобрался в своих мыслях. Увидев состояние Канцлера Гао и заметив растущее подозрение Сяо Жунуна, он почувствовал, как у него внутри всё сжалось, и тут же вмешался:

— Младший брат Сяо, это что же, целая цепь уловок?

При звуке его голоса Гао Сюньчжи очнулся. Осознав, что выдал себя, он смущённо опустил голову.

Сяо Жун бросил на него странный взгляд и лишь затем подтвердил:

— Верно. Заставить Хуан Яньцзюна выступить в поход — это дополнительная выгода. Мы истощим его войска и заставим на время покинуть область Нинчжоу. Все вороны под небом черны, ни одно место не является неприступной крепостью. Инспектор Хуан захватил Нинчжоу совсем недавно. Стоит ему уйти, как в его тылу непременно возникнут проблемы. И неважно, большие или малые, любой беспорядок у него сыграет нам на руку.

— Что до истинной цели моего приглашения, то она состояла в том, чтобы получить этот щедрый дар от семьи Хуан. С ним на руках, когда мы предстанем перед Сунь Жэньлуанем и Его Величеством, у нас будет что сказать, и наши слова не будут пустым звуком. Канцлер, в настоящее время сяньби — не только враги всех жителей Чжуньюаня, но и буферная зона между нами и Южной Юн. Когда сяньби не станет, хрупкий мир между Севером и Югом немедленно рухнет, и великая война станет неизбежной. Я знаю, что государь не боится сражений, но как бы то ни было, в глазах народа Южная Юн остаётся законной властью. Если мы вступим с ними в открытый конфликт, нас тут же заклеят как мятежников и предателей. Это поставит Цюй Юньме в крайне невыгодное положение. Тогда не только простой народ, но и учёные, знать, великие кланы — вся Поднебесная будет видеть в армии Чжэньбэй свирепых хищников. Поэтому, если этой войны можно избежать, лучше её избежать.

Гао Сюньчжи, нахмурившись, молчал, а Юй Шаосе, напротив, сгорал от любопытства:

— И какова же роль дара семьи Хуан?

Сяо Жун улыбнулся:

— Сделать так, чтобы семья Хуан попала в поле зрения гоцзюя и Его Величества, заменив сяньби в качестве следующей буферной зоны между Севером и Югом. Хотя эти люди и оказали услугу государю, Хуан Яньцзюн и наш правитель — как огонь и вода, и Сунь Жэньлуаню это прекрасно известно. Положение Южной Юн сейчас не намного лучше нашего, у них за спиной

врагов не меньше. Земли инспектора Хуана находятся на территории Южной Юн, и для их двора он представляет куда большую угрозу, чем Чжэньбэй-ван, отделённый рекой Хуай.

— И поскольку его положение особое, наш государь не станет ему помогать, а значит, двор Южной Юн сможет на какое-то время вздохнуть спокойно относительно нас, — с внезапным озарением кивнул Юй Шаосе.

Сяо Жун щёлкнул пальцами.

— Совершенно верно! Я знаю, что для свершения великих дел правителю неминуемо придётся столкнуться с двором Южной Юн. Однако есть разница в том, как это произойдёт. Двор может быть врагом, но Его Величество — нет. Сейчас мы используем другие силы, чтобы нас перестали видеть занозой в глазу. А когда они будут бороться с иными противниками, как внутренними, так и внешними, обстановка неминуемо накалится. Люди, ставшие пугаными птицами, совершают множество ошибок. Их ошибки — это наш шанс.

Юй Шаосе моргнул.

— Младший брат Сяо, ты хочешь сказать... пока две собаки грызутся, третья уносит кость? Мы будем выжидать, действуя покоем против движения, и в нужный момент явемся как верные защитники трона?

— Именно, — твёрдо кивнул Сяо Жун.

Юй Шаосе не смог сдержать улыбки. Хотя в тот миг, когда он покинул Южную Юн и примкнул к армии Чжэньбэй, он отрёкся от двора, это не означало отречения от императорской семьи. В глубине души он всё ещё надеялся, что клан Хэ сможет выстоять и стабилизировать ситуацию. Если бы такое произошло, он бы с ликованием вернулся в Южную Юн или в Чанъань, по которому так тосковал.

Большинство учёных мужей разделяли эти взгляды. Они считали, что мир наводнили мятежники и предатели, которые и превратили некогда процветающий двор в царство хаоса. Их гнев всегда был направлен на министров, но никогда — на того, кто сидел на троне.

Конечно, нынешний юный император был воистину невинен. Он был слишком мал и ничего не успел совершить. Но такое мировоззрение сложилось не за последние несколько лет. Даже когда был жив тот глупый, как свинья, император Гуанцзя, они думали так же.

Человек, желающий найти оправдание, найдёт его всегда. Любого, даже самого ужасного правителя, можно было с лёгкостью обелить. Например, можно было сказать, что император Гуанцзя был рождён не императрицей, а наложницей, которая рано умерла, и те, кто воспитывал его после, не дали ему должного образования. Или можно было заявить, что страна находилась в смуте, и если бы не чиновники, обманывавшие вышестоящих и скрывавшие правду, как могли бы страдания народа остаться незамеченными императором?

В общем, во всём были виноваты другие, а император — ни в чём. Таково было отупляющее действие императорской власти.

Сяо Жун знал это, но не мог их винить. Такова была эпоха, таково было их воспитание. С годами мировоззрение человека укореняется, и у него не было ни времени, ни сил исправлять каждого. К тому же исправление не всегда было благом. Слишком прогрессивные идеи могли принести эпохе лишь разрушительный удар.

Поэтому, чтобы учесть их чувства и облегчить себе задачу, защита юного императора и милосердное отношение к бывшей правящей династии были необходимы. Сяо Жун поднял знамя поддержки законной власти, чего армия Чжэньбэй никогда прежде не делала, именно готовясь к этому шагу.

Но, кажется, он уже заметил, что Гао Сюньчжи принял это не слишком хорошо.

Юй Шаосе, воодушевлённый, задал юноше ещё несколько вопросов. У него самого появились новые идеи, и он даже загорелся желанием написать статью, чтобы повлиять на общественное мнение. Сяо Жун ободряюще улыбнулся ему. Взволнованный Юй Шаосе ушёл, но Гао Сюньчжи остался сидеть.

В конце концов, Юй Шаосе был ещё молодым учёным, да к тому же прибывшим из Южной Юн. Его позиция не была столь твёрдой. Канцлер был другим. Когда он присоединился к северным силам, понятия «Южная Юн» ещё не существовало. Цюй Юньме ненавидел сяньби и двор за то, что ему пришлось пережить, и что бы ни выпало на долю государя, Гао Сюньчжи прошёл через всё это вместе с ним, причём куда глубже. Ведь тогда Цюй Юньме был ещё ребёнком, а Гао Сюньчжи — уже взрослым человеком. Всю полноту горестей он испытал сполна.

Сяо Жун молча сидел. Он не говорил, и Гао Сюньчжи тоже молчал. Но старик не винил его. Он лишь размышлял, как подобрать слова, чтобы не обескуражить юношу.

Канцлер Гао был поистине добрым наставником. Даже такой пылкий человек, как Юй Шаосе, в его присутствии вёл себя смирно. А до появления Сяо Жуна он был единственным, кто мог хоть как-то повлиять на Чжэньбэй-вана.

Отчего-то Сяо Жун вдруг ощутил укол совести. Он мог не обращать внимания на многие вещи, но это не означало, что он их не замечал. Он понимал, что, самовольно приняв решение за всю армию Чжэньбэй, вызовет недовольство некоторых старых соратников. Он знал, но всё равно настоял на своём, проигнорировав их лишь потому, что их было немного.

Гао Сюньчжи во всём старался учитывать чувства Сяо Жуна, но тот редко думал о его настроении. Обычно ему было всё равно — таков уж он был. Он игнорировал почти всех в этом мире.

Но... только этот старик мог заставить его почувствовать себя виноватым. В конце концов,

сердце не камень, и доброту Канцлера Гао он видел.

Так они и сидели: один — терзаемый совестью, другой — обдумывающий, как начать разговор. Наконец тишина была нарушена.

— А Жун, что до защиты трона... — начал Гао Сюньчжи.

Но он не успел договорить. Сяо Жун больше не мог терпеть. Он глубоко вздохнул и громко выпалил:

— Мы выступим на защиту трона, только когда они будут готовы перегрызть друг другу глотки! Если Сунь Жэньлуань может использовать императора, чтобы править от его имени, то и государь сможет! Мы спрячем юного императора, разгоним весь двор, а потом придумаем, что делать дальше! Угрозами или посулами, но мы заставим его подписать указ об отречении! Я делаю это ради государя и армии Чжэньбэй, а не ради этого сопляка по фамилии Хэ!

Гао Сюньчжи замер, ошеломлённо глядя на Сяо Жун. Тот, в свою очередь, напряжённо смотрел на него. Высказав всё на одном дыхании, он почувствовал облегчение, но, поджав губы, продолжал сверлить собеседника взглядом. Старик молчал.

Он понял. В какой бы ситуации ни оказался Сяо Жун, он никогда не признает поражения. Даже не имея уверенности, он будет вести себя так, будто абсолютно уверен в своей правоте.

Вообще-то, характер юноши вызывал у Гао Сюньчжи серьёзные опасения, ведь и его собственный государь был таким же. Но клин клином вышибают. В споре двух тигров один непременно проиграет. Упрямец всегда одолеет тот, кто ещё упрямее.

Канцлер не сдержался и рассмеялся:

— Старик и не думал сомневаться в А Жуне. Сердце А Жуна старик видит ясно.

Сяо Жун промолчал. Странно прозвучало. Он невольно поправил воротник.

В итоге Гао Сюньчжи так и не договорил. Он посоветовал юноше хорошенько отдохнуть и ушёл.

Шагая по дороге, Гао Сюньчжи со вздохом заложил руки за спину. Двор, император... Его отец был мятежником. Будучи сыном своего отца, он, естественно, не питал той же преданности к клану Хэ, что другие. После долгих скитаний он наконец обрёл корни.

Двадцать три года назад — катастрофа, десять лет назад — ещё одна. В памяти остался лишь багровый цвет. Из этого кошмара они выбрались своими ногами. Двор не помог им ни на грош.

Так называемый император даже не слышал их криков.

Да и если бы услышал, что толку? Разве такие ничтожества, как они, могли привлечь внимание Сына Неба?

Потому он и не хотел, чтобы армия Чжэньбэй имела хоть что-то общее с поддержкой двора. Одна мысль об этом вызывала у него отвращение.

Но он также понимал, что у Сяо Жуна были на то свои причины. Тот убедил Цюй Юньме по-настоящему принять на себя обязанности Чжэньбэй-вана. Услышав об этом, Гао Сюньчжи был очень рад, считая, что мальчик, которого он вырастил, наконец-то повзрослел. Однако лишь сейчас он понял, что он сам совершил ту же ошибку.

Он — канцлер Чжэньбэй-вана, управляющий целым государством. Почему же его взор по-прежнему прикован лишь к армии? Прошлая кровь и слёзы принадлежат людям прошлого. В чём вина простого народа, в чём вина новобранцев? Почему из-за его недальновидности они должны быть втянуты в бесконечную войну?

Так что Сяо Жун прав. Этой войны лучше избежать. Это и сократит потери, и уберёжёт государя от лишней дурной славы. По сравнению с этим его личный дискомфорт — ничто.

Гао Сюньчжи протяжно вздохнул. Недаром Сяо Жун никогда не звал его «господин Гао», а всегда — «Канцлер Гао». Он ведь напоминал ему. А он, прожив столько лет, только сейчас понял этот глубокий замысел.

«Ты слишком много думаешь...»

Вернувшись к себе, Хуан Яньцзюнь заперся с Чжоу Ляном почти на два часа. Когда они вышли, солнце уже скрылось за облаками. Они вышли, смеясь и переговариваясь. Инспектор Хуан, не удостоив взглядом стоявших неподалёку воинов армии Чжэньбэй, сохранял невозмутимое выражение лица.

Приехал он в спешке, а возвращаться не торопился. Он повёл Чжоу Ляна гулять по Чэньлю. Сяо Жун, получив донесение, не стал их останавливать. Пусть смотрят.

Всё равно в городе сейчас ничего нет, так что прогулка будет бесполезной.

Сяо Жун думал так, но в его голове было слишком много дел, а А Шу теперь прислуживал Госпоже Чэнь, и некому было напоминать ему о мелочах. В итоге он совсем забыл о тех дюжих добровольцах, что работали снаружи.

Воины, отправленные на работы, невольно переглядывались.

«Давно служим, но такое поручение — впервые»

Что это вообще такое? Они же солдаты, почему должны выполнять черновую работу для простолюдинов? И те их совсем не благодарят. Завидев их, все в ужасе разбегаются, словно они — какое-то стихийное бедствие.

Вчера, в первый день, было ещё хуже. Один из отрядов обнаружил, что несколько домов стоят далеко от реки, и решил вырыть во дворе одного из них колодец. Но как только они вошли с лопатами, из дома с топором наперевес и яростными воплями выскочил старик, готовый сегодня же умереть, но и их забрать с собой.

Отряд был в полном унынии. Их специально отобрали из тех, кто поспокойнее. Они не станут, как их вспыльчивые сослуживцы, чуть что хвататься за меч. Столкнувшись с таким приёмом, они лишь отобрали у старика оружие и с недовольными лицами продолжили копать.

Закончив, они ушли, бросив топор на землю. Старик и вся его семья из шести человек стояли в полном оцепенении.

Прошло немало времени, прежде чем сын старика спросил:

— О-отец, они и вправду просто вырыли колодец?

Старик молчал.

— Отец, — вмешалась невестка, — они даже воды нашей не выпили. Кажется, они не грабить пришли.

Старик молчал.

— Муж мой, — добавила его жена, — в мире, оказывается, и такие солдаты бывают. А ты так на них кинулся. Мы их не обидели?

Старик молчал.

Младшая дочь лишь сосала палец, не понимая, что происходит. А её старшая сестра вдруг сказала:

— Отец, тот солдат, что у тебя топор отнял, такой красивый.

Старик окончательно взорвался:

— Что вы тут разорались?! Если бы не ваши крики, что солдаты пришли зерно грабить, я бы разве выскочил?! А ну пошли все домой, закрыть калитку!

С этими словами он гневно зашагал прочь, но вскоре остановился. Поколебавшись, он всё же сдался и крикнул жене через плечо:

— Тащи ведро! И верёвку!

— Как раз сын дома, — заботливо отозвалась та. — Пусть в горы ходит, дерево срубит. Сделаем ворот, воду будет удобнее доставать.

Старик гневно обернулся к сыну:

— Чего стоишь?! Быстро пошёл!

Сын промолчал.

Подобные сцены разыгрывались и в других местах. Люди, хоть и начали понимать, что воины Чжэньбэй делают добрые дела, не могли так легко избавиться от страха. Они по-прежнему опасались, что это ловушка.

Когда Хуан Яньцзюнь вышел на прогулку, он сначала с удивлением наблюдал, как солдаты зачем-то чинят дома, а потом, увидев, как хозяин рыдает и кланяется им в ноги, умоляя пощадить его, не выдержал и рассмеялся.

— Не знаю, какому умнику пришла в голову эта дурацкая идея, — сказал он стоявшему рядом Чжоу Ляну. — Думают, что такими мелочами можно снискать любовь народа, но не понимают, что всё это — пустая трата сил.

Чинить дома, копать колодцы — что это за работа? Работа для слуг. Солдаты следуют за своим генералом, чтобы жить в роскоши, а не чтобы так унижаться.

Хуан Яньцзюнь презрительно отнёсся к этим мерам. Чжоу Лян взглянул на него и с трудом подавил желание закатить глаза.

«Это определённо идея Сяо Жуна»

Чжоу Лян был уверен в этом. У Чжэньбэй-вана не так много советников, и если бы у кого-то другого возникла такая мысль, её бы осуществили ещё в Яньмэне.

Какой прекрасный способ завоевать сердца! Просто заставить бездельничающих воинов поработать, и вот уже народ расположен к тебе, слава об армии растёт, а положение правителя укрепляется.

«Чёрт побери, почему я не додумался до этого первым! Если я теперь попробую сделать то же самое, это будет выглядеть как жалкое подражание»

Чем больше он думал, тем больше злился. Учёный не мог смириться с тем, что кто-то оказался умнее него. Теперь он отчаянно хотел покинуть Чэньлю и как можно скорее найти себе господина, который был бы в сто раз лучше Цюй Юньме. По крайней мере, это было несложно. Он всегда считал, что даже деревенский староста лучше Цюй Юньме справится с управлением.

Повернувшись к Хуан Яньцзюну, Чжоу Лян поклонился и сказал, что хотел бы посетить местное литературное собрание и кое о чём расспросить.

Инспектор Хуан решил, что тот собирается разузнать для него новости, и отпустил его, но на всякий случай приставил к нему двух своих людей. Он не думал, что помощник сбежит, но опасался, что тот может пойти к Цюй Юньме и продать его.

Едва отделившись от своего господина, Чжоу Лян опоил спутников сонным зельем. Будучи человеком злопамятным, он прекрасно понимал, насколько страшной может быть месть других. Поэтому он либо не действовал вовсе, либо шёл до конца.

Два несчастных даже не успели открыть глаз, как лишились жизни. Чжоу Лян снял с одного из них одежду и поспешно скрылся.

Сяо Жун ещё не решил, стоит ли устранивать Чжоу Ляна, и никак не ожидал, что тот сбежит так решительно. В этот момент он сидел в павильоне посреди озера. Напротив него был Хуан Кэцзи, которого он велел пригласить.

Не теряя времени, юноша сразу перешёл к делу:

— Твой дядя хочет твоей смерти. Ты, должно быть, уже знаешь об этом?

<http://bllate.org/book/15355/1423029>